

Язык, сознание, и реальность*

Бенджамин Ли Уорф

Данный текст представляет собой перевод статьи Б.Л. Уорфа «Язык, сознание и реальность» (Language, mind and reality, 1941), написанной им по приглашению теософского журнала *Theosophist*, базировавшегося в Мадрасе, Индия, в последний год жизни автора. В статье заново формулируется «принцип лингвистической относительности», говорящий об обусловленности картины мира говорящего грамматикой его языка, и разрабатывается критика западной науки с точки зрения теософских воззрений Уорфа. Перевод данной статьи выполнен А.А. Веретенниковым.

Ключевые слова: Уорф, язык, относительность

LANGUAGE, MIND, AND REALITY

Benjamin Lee Whorf

This text is a translation of an article of B.L. Whorf “Language, mind and reality” (first published in 1941). The text was originally written for the journal *Theosophist* (India) during the last year of Whorf’s life. The article contains a formulation of the principle of linguistic relativity that relates to the idea of that the world picture of a user of a language depends on the grammar of the language she is using. The article also contains a critique of the Western science from Whorf’s theosophist perspective. The paper was translated in Russian by Andrey A. Veretennikov.

Keywords: Whorf, language, mind, reality, relativity

I

Не нужно быть слишком прозорливым, чтобы увидеть – в наше время наука, Великий Первооткрыватель современной западной культуры, сама не желая того, достигла своей границы. Науке нужно либо забыть о своем былом, очистить ряды и продвигаться вперед во все более странные области, полные шокирующих для ограниченного культурой понимания открытий, ибо стать, согласно выразительной фразе Клода Хугтона, плагиатором собственного прошлого. В основных чертах эта граница распознавалась довольно давно и ей было дано имя, в наши дни связанное с мифом. Это имя – Вавилон. Долгая и героическая борьба науки за то, чтобы быть чисто фактической, наконец привела ее в столкновение с неожиданными фактами языкового характера. Старая, классическая наука не признавала, не рассматривала и не понимала это как факты. Вместо этого они проникли в ее жилище с черного хода и уже считаются субстанцией самого Разума.

* Перевод подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 14-33-01043 «Семантика и прагматика контекстной зависимости для убеждений с индексным компонентом». Перевод выполнен по оригинальному изданию: [Whorf, 1942].

То, что мы называем «научным мышлением», есть специализация западного индоевропейского типа языка, в которой выработаны не только множество различных диалектов, но даже множество различных диалектов. Сегодня эти диалекты становятся взаимно непереводимыми. Например, термин «пространство» не означает и не может означать одно и то же для психолога и физика. Даже если небеса станут твердью и психологи твердо решат использовать «пространство» только со значением, придаваемым ему физиками, они не более смогут этого сделать, чем англичанин, использующий в английском языке слово ‘*sentiment*’ (эмоция) в значениях, которые одинаково пишущееся, но функционально отличающееся выражение *le sentiment* (переживание, искаженное эмоцией) имеет в своем родном французском.

Сказанное выше не является простой путаницей в терминах, с которой бы с легкостью справился опытный переводчик. Проблема гораздо труднее, чем это может показаться на первый взгляд. Каждый язык и каждый связный технический жаргон включает в себя определенные точки зрения, равно как и определенные устоявшиеся узлы сопротивления для расходящихся с ним взглядов. Тем более это так, если язык не рассматривается как всепланетное явление, но, как обычно и бывает, принимается как данность, и локальные, местные разновидности, используемые отдельно взятым мыслителем, считаются исчерпывающими его полностью. Такие точки сопротивления не только искусственно изолируют отдельные науки друг от друга; они не позволяют научному духу в целом сделать следующий великий шаг в развитии, раскрывший бы беспрецедентные перспективы и полностью оторвавший бы его от традиций. Определенные языковые шаблоны, долгое время почитаемые как чистый Разум *per se* и вплетенные в матрицу европейской культуры, из которой и произошли науки, уже выработали весь свой потенциал. Даже в науке чувствуется проблема с видением чего-то, что может быть очень значимым аспектом реальности, от правильного рассмотрения которого может зависеть весь будущий прогресс в понимании вселенной.

Таким образом, одним из важнейших будущих шагов западного познания является пересмотр его языкового основания и, в этой перспективе, мышления вообще. Моя задача в раскрытии этой темы перед теософской аудиторией не заключается в подтверждении или выдвижении какой-либо теософской теории. Скорее, из всех групп по интересам, что я знаю, теософы кажутся наиболее способными к восприятию новых идей. Моей же задачей является донесение идеи до всех, кто, в случае если западная культура переживет нынешнюю волну варварства, может оказаться руководящим реорганизацией всего будущего человечества.

Данная идея слишком радикальна, чтобы быть схваченной в одной фразе. Лучше я оставлю ее безымянной. Согласно ей, ноуменальный мир, мир гиперпространства и высших измерений еще ожидает

своего открытия науками. Он объединит их и унифицирует в своем первом аспекте, царстве шаблонных отношений, непостижимо многогранных и одновременно сродных с богатейшей и систематичной организацией языка, включающей *au fond*¹ математику и музыку, его ближайших родственников. Эта идея старше Платона, и одновременно настолько же нова, как наши наиболее революционные мыслители. Она подразумевается в мире понимающих отношений Уайтхеда, в теории относительности с ее четырехмерным континуумом и тензором Римана-Кристоффеля, суммирующим свойства мира в каждой точке-моменте. Однако одна из ее наиболее подстегивающих мысль современных презентаций, и я полагаю, наиболее оригинальная из них, заключена в *Tertium Organum* Успенского². Все, что я могу сказать нового по поводу этой темы, заключается в *предчувствии в языке* неведомого, большого мира, такого, где физическое является только поверхностью или оболочкой, но в котором мы *находимся* или *принадлежим*. Сам подход к реальности через математику, который только начинает современное познание, есть просто один из подходов через это отношение к языку.

Из данного подхода следует, что названное мною шаблонами есть базовое в подлинно космическом смысле, и что шаблоны формируют целое, наподобие Gestalten в психологии, включающиеся в большие общности в постоянной прогрессии. Таким образом, космическая картина имеет серийный или иерархический характер, то есть прогрессии планов или уровней. Не обладая пониманием такого серийного порядка, различные науки вычленяют сегменты из мира, возможно, нарушающие расположение его естественных уровней, или резко останавливаются когда, переходя с уровня на уровень, явления меняют свой тип или выходят за пределы возможностей старых методов наблюдения.

В лингвистике как науке факты языкового характера принуждают к признанию наличия различных уровней, каждый из которых явно задается порядком формирования наблюдаемых шаблонов. Здесь происходит нечто вроде того, как если бы мы, смотря на стену, расписанную тончайшими кружевами, обнаружили, что кружева являются лишь основой для более крупного, но все еще тонкого рисунка из мельчайших цветов, а заметив это, увидели, что множество пропусков среди кружева составляют новый шаблон, наподобие орнамента, где группы образуют буквы, которые, будучи правильно прочитанными, превращаются в слова, находящиеся в определенном порядке по отношению к друг другу и описывающие некоторые сущности. А в результате такого перекрестного анализа мы бы обнаружили, что наша стена оказалась великой книгой мудрости!

¹ В основании (фр.) – примеч. пер.

² П.Д. Успенский (1878–1947) – русский эзотерик, писатель, ученик и коллега Г.И. Гурджиева. – прим. пер.

Во-первых, уровень «под» чисто языковыми явлениями представляет собой физические, акустические явления, сплетаемые из звуковых волн. За ним следует уровень сходств в сокращающихся мышцах и органах речи, физиологически-фонетический уровень, формирующих то, что представляет собой упорядоченное множество из согласных, гласных, ударений, интонаций в каждом языке. Затем лежит морфофонемический уровень, на котором «фонемы» с предыдущего уровня оказываются скомбинированы в «морфемы» (слова и части слов, наподобие суффиксов и т. д.). Следующим будет уровень морфологии, после чего уровень сложного, по большей части бессознательного упорядочивания, обозначаемого бессмысленным словом «синтаксис» и так далее, к тем уровням, полное значение которых однажды паразит и ошеломит нас.

Речь есть лучший спектакль человека. Это его собственный номер на сцене эволюции, в котором он выступает на фоне космических декораций, производя нечто действительно свое. Однако мы подозреваем, что наблюдающие за нами боги знают наперед – переходящая в великолепную кульминацию последовательность удивительных трюков была украдена у Вселенной!

Незнакомая современному миру идея о внутреннем родстве природы и языка была многие века известна различным высоким культурам, более древним, чем западноевропейская. В Индии ее частью были *мантры* и связанное с ними искусство. На самом простом культурном уровне мантры представляют собой заклинания или примитивную магию, наподобие магии самых грубых культур. В высокой же культуре они могут обладать иным, высокоинтеллектуальным смыслом, имеющим отношение к внутреннему родству языка и космического порядка. Еще на более высоком уровне они становятся «мантра-йогой». В ней мантра превращается во множество осознанных приемов, предназначенных для помощи и, как следствие, управления сознанием в области ноуменального мира форм. Благодаря этому они могут *настроить* человеческий организм на передачу, управление и тысячекратное усиление энергий, которые организм обычно передает на самых незаметных частотах.

Аналогично этому, математическая формула, позволяющая физика располагать катушки проводов, пластинок из жестяной фольги, перемычек и прочих вполне пассивных и невинных приспособлений таким образом, чтобы создать нечто, что будет транслировать музыку в самые дальние уголки земли, помещает его сознание на непостижимый для обычного человека уровень. Она же позволяет осуществить переход материи на такой уровень, при котором становится возможным необычное проявление силы. Прочие формулы делают возможным такое расположение электромагнитных катушек и проводов в электростанции что, когда катушки (или, скорее, поле тонких сил,

внутри и вокруг них) приводятся в движение, сила проявляется таким образом, что результат мы называем электротоком. Мы не думаем о проектировке радио- или электростанции как о языковом процессе, однако это именно так. Необходимая для него математика представляет собой лингвистический аппарат, а без его правильной настройки или калибровки устройства останутся неподвижными. Математика, использованная в приведенных примерах, представляет собой *специализированный* формульный язык, созданный для того, чтобы стало возможным проявление через металлические тела особой силы, а именно, электричества, как мы это сегодня называем. У формульного языка мантр специализация иная, предназначенная для проявления иных сил, и предназначена она для изменения состояний нервной системы и желез или, опять же, в области «электронных» или «эфирных» сил внутри или вокруг этих физических тел. До того, как было произведено стратегическое перераспределение, эти части организма представляли собой просто «невинные устройства», настолько же неспособные к проявлению динамических сил, как распущенные электромагнитные катушки и провода. Однако в *правильной конфигурации* они оказываются чем-то иным, способным на усиление и активацию дремлющих сил. В то же время эти способности нельзя понять, исходя лишь из свойств отдельных частей.

Исходя из этой перспективы я бы хотел связать восточные идеи мантрического и йогического использования языка с так глубоко ему присущим конфигуративным или формообразующим свойством. Это приводит к наиболее важной части моего рассказа. Мы должны больше узнать о языке! Уже сейчас мы знаем о нем достаточно для утверждения, что он не является тем, чем кажется большинству людей, и ученых в том числе. То обстоятельство, что мы не прилагаем никаких усилий для устной речи, и даже не подозреваем об используемых нами чрезвычайно сложных механизмах, создает определенную иллюзию. Мы думаем, что знаем, как это происходит, что не остается никакой загадки, что у нас есть все ответы. Увы, это ложные ответы! Здесь можно провести аналогию с картиной мира, предоставляемой органами чувств: она проста, разумна и не оставляет желать ничего лучшего, однако весьма далека от истины.

Рассмотрим то, каким мир представляется самому мудрому из нас и обладающему наибольшим жизненным опытом, и кто в то же время не знает ничего о том, что наука открыла о Космосе. Для него земля – плоская; солнце и луна – светящиеся объекты небольшого размера, восходящие ежедневно над ее восточным краем, проходящие через верхние части атмосферы и исчезающие за западным. Очевидно, что они проводят ночь где-то под землей. Небо представляет собой перевернутую чашу из какого-то голубого вещества. Звезды, маленькие, но не слишком удаленные объекты, кажутся живыми, как

будто «выскакивающими» из неба каждый вечер и прячущихся на восходе, наподобие кроликов или змей. Словосочетание «Солнечная система» для него ничего не значит, а понятие «закон тяготения» маловразумительно, более того, даже бессмысленно. Для него тела падают не потому, что подчиняются закону тяготения, но «в силу того, что ничего их не поддерживает», то есть потому, что он не может себе представить ничего иного. Он не может помыслить пространство без «верха» или «низа», даже без «востока» и «запада». Для него сердце не качает кровь и не существует кровообращения: ему кажется, что это место, где находятся любовь, доброта и мышление. Охлаждение есть не вывод теплоты, но добавление «холода», листья зелены не в силу содержащегося в них химического вещества «хлорофилл», но в силу содержащейся в них «зелености». Опровергнуть его представления будет невозможно. Он будет настаивать на них как на ясном и практичном здравом смысле, они достаточны для него в силу их полной адекватности в качестве *системы коммуникации* между ним и его соплеменниками. То есть они *лингвистически* адекватны его социальным нуждам и будут оставаться таковыми, пока не появятся новые запросы, и язык не сможет на них ответить.

Все мы, от дикаря до ученого, настолько же далеки от истины в наших представлениях о языке, насколько заблуждается в вопросе о строении физической вселенной этот мудрец. Только недавно лингвистическая наука начала понемногу проникать в это царство, и ее открытия все еще неизвестны другим дисциплинам. Естественный человек, будь то человек с улицы или ученый, знает о влияющих на него лингвистических силах не больше, чем дикарь о силах гравитации. Он полагает говорение деятельностью, в которой он свободен от каких-либо ограничений. Он считает его простой и прозрачной активностью, объяснить которую весьма несложно. Однако эти объяснения оказываются ничем иным, как выражением его *потребностей в коммуникации*. Они не присущи самому процессу его общения. Например, он скажет, что думает о чем-то и подбирает слова по мере «поступления» мыслей. Однако, объяснение, какие именно мысли подходят для облачения в слова, оказывается просто рассказом о его социальных потребностях в данный момент. Этот ответ не прольет никакого света, но свет его и не интересует, так как процесс говорения вполне отвечает всем его социальным нуждам. Таким образом он ложно предполагает, что мышление есть очевидная, непосредственная активность, одинаковая для всех рациональных существ, прямым выражением которой является язык.

Мышление действительно представляется наиболее загадочным явлением, но пока что наибольший свет был пролит на него исследованиями языка. Они показывают, что формы мышления подчиняются непреклонным, моделирующим их законам, о которых субъект и не

подозревает. Эти шаблоны есть неощутимые, сложные систематизации его языка, без труда выявляемые при помощи беспристрастного сравнения и противопоставления с другими языками, в особенности принадлежащими иной языковой группе. Само его мышление находится в языке, будь то английский, санскрит или китайский³. Каждый язык есть обширная, отличающаяся ото всех прочих, система шаблонов, в которой культурно predeterminedены формы и категории, посредством которых индивид не только коммуницирует, но также анализирует природу, обращает внимание на типы связей и явлений или игнорирует их, передает свои рассуждения и строит здание своего сознания.

Данная доктрина нова для западной науки, однако она покоится на неоспоримых свидетельствах. Более того, она или что-то на нее похожее известно философским школам Индии и современной теософии. Это обстоятельство сокрыто тем фактом, что философский санскрит не имеет точного аналога моего термина «язык» как лингвистический порядок в широком смысле. Данный порядок охватывает весь символизм, все символические процессы, все процессы референции и логики. Термины наподобие *Nāma* относятся скорее к подразделам этого порядка, таким как лексический или фонетический. Скорее всего, ближайшим эквивалентом является *Manas*, которому наше слово ‘mind’ (ум) соответствует лишь в некоторой мере. *Manas* в широком смысле есть одна из основных иерархических степеней в мировой структуре или, как говорят, «монастический уровень». В данном случае «ментальный уровень» снова может запутать носителя английского языка. Английское ‘mental’ не вполне удачное слово, чья функция в нашей культуре часто требует рационального объяснения в силу того, что оно коннотирует скорее туманный лимб, а не оформленный шаблонами космический структурный порядок. Впрочем, иногда *Manas* используется для обозначения индивидуальной психики; именно это, согласно Фрицу Кунцу имеет место в знаменитом высказывании из *Голоса тишины*: «Ум есть великий разрушитель реальности».

Как говорят, уровень *Manas* разбивается на два больших подуровня, а именно *Rūpa* и *Arūpa*. Нижним является царство «имени и формы», *Nāma* и *Rūpa*. Здесь «форма» означает расположение в пространстве (в «нашем», трехмерном пространстве). Это весьма далеко от полного совпадения по объему с «шаблоном» даже в самом общем смысле. В то же время, *Nāma* или «имя» не есть язык или лингви-

³ Забегая вперед, отметим, что «мышление в языке» вовсе не обязательно использует слова. Никогда не слышавший о словах «время» или «род» неотесанный индеец племени чокто настолько же легко сравнивает время или род двух выражений, как и самый умелый филолог. Значительная часть мышления вообще не облачается в слова, но обращается с целыми парадигмами, классами слов, а такого рода грамматические порядки находятся «за» или «над» фокусом индивидуального сознания.

стический порядок, но только лишь один его уровень, «лексации» или именованья словами частей всего многообразия опыта, которые тем самым помещаются в частичную изоляцию друг от друга. Таким образом, слова наподобие 'sky' (небо), которые в английском можно использовать и как «доска», «подмости» (*the sky, a sky, skies, some skies, piece of sky* и т. д.), ведет нас к мысли о простой оптической иллюзии, в смысле применимости к относительно изолированным твердым телам. «Холм» или «болото» ведут нас к восприятию местных особенностей ландшафта или состава почвы в качестве самостоятельных *вещей*, наподобие столов и стульев. Каждый язык совершает это искусственное разделение неразрывного пространства, потока существования по-своему. Слова и речь не есть одно и то же. Как мы увидим, шаблоны структуры предложения, управляющие словами, более важны, чем сами слова.

Таким образом, уровень *Rūpa* и *Nāma* – сегментация формы и словарь – являются частью лингвистического порядка, но довольно рудиментарной и несамостоятельной. Она зависит от более высокого уровня организации, на котором появляется *комбинаторная схема*. Это уровень *Arūpa*, мир шаблонов по определению. *Arūpa*, «бесформенное» не означает ничего без лингвистической формы или организации, но даже без отсылки к пространственной, визуальной форме или указанию на место, как мы видели на примере «холма» и «болота», является важной чертой референции на лексическом уровне. *Arūpa* есть царство шаблонов, которые могут «актуализироваться» во времени и пространстве на материале нижних уровней, но сами не имеют к ним никакого отношения. Такого рода шаблоны скорее похожи не на значения слов, но на то, каким образом значение проявляется в предложениях. Не похожи они и на отдельные предложения, но на *схемы* предложений или модели структуры предложений. Наши индивидуальные сознающие «умы» могут лишь в самых общих чертах схватить такого рода шаблоны. Это происходит посредством использования математических или грамматических формул, в которые на места переменных подставляются слова, значения, количества и так далее. Ниже я предоставлю один простой пример.

Вполне в силах «культуры сознания» контактировать с уровнем *Arūpa* «ментального пространства» напрямую при расширении сознания. В книге Успенского под названием «Новая модель сознания» представлены поразительные проблески необычных ментальных состояний, которых достиг этот философ. Но только лишь в виде намеков, так как эти полностью «невербальные» перспективы ускользают от словесного выражения. Он говорит о царстве «движущихся иероглифов», состоящих полностью из «математических отношений», о расширении и разветвлении такого «иероглифа» до тех пределов, когда он покрывает часть вселенной. По всей видимости, к подобным

аналогиям вели математические пристрастия Успенского и его изучение таких областей, как неевклидовы геометрии, гиперпространство и отношение между временем и сознанием. Математика есть особый язык, происходящий от особых предложений, содержащих слова-цифры: 1, 2, 3, 4, ... x, y, z и так далее. Однако, каждый тип предложения любого языка есть потенциальное ядро всеохватной системы. Очень немногим удастся достичь постоянства такого типа сознания, однако многие математики и научные лингвисты, должно быть, имели опыт «видения», в одной мимолетной вспышке, всей системы отношений, формирующей единство, о котором до того и не подозревали. Потрясение от гармонии и научной красоты всей обширной системы преобразуется в поток эстетического наслаждения. Например, «видеть», как все элементарные звуки английского языка («фонемы») и их сочетания управляются изящным и в то же время систематичным законом во всех возможных формах английских односложных слов, и неважно, обладающих ли значением или бессмысленных, существующих или которые еще появятся на свет, или исключаются им же с такой же неизбежностью как химическая формула соединения не дает никаким, кроме лишь особых форм кристаллов, появиться на свет – это должно быть ни на что не похожим переживанием.

Для того, чтобы показать этот закон или шаблон, так называемую «морфо-фонемическую структурную формулу», мне потребуется много бумаги. Однако я могу представить ее в сокращенном виде как⁴

$$\begin{aligned} O, C - ng, C_1 C_2, C_3 C_4, \text{ etc. } \dots \\ s \pm CmCn + V + (V1) O, \pm (r, w, y); \\ C - h, C' C'_2, C'_3 C'_4, \text{ etc. } \dots \\ C'mC'n \pm (t/d, s/z, st/zd). \end{aligned}$$

Эта формула предполагает, что слова английского языка символизируются или «записываются» согласно стандартной фонемической записи Леонарда Блумфилда из его книги «Язык». В этой системе дифтонгические гласные должны репрезентироваться чистой гласной (V), за которой следует w или y из термина (r, w, y) таким образом, что 'note' записывается *nowt* (или *newt*, в зависимости от диалекта), 'date' будет *deyt*, а 'ice' – *ays*. На физическом или акустическом уровне корректность данного анализа показывается тем, что если мы запустим фонограмму 'ice' наоборот, то получим звук наподобие *suɑ*, а если правильно произнесем *suɑ* в фонограф и обратим запись, то машина произнесет 'ice'. Для английского языка этот анализ точен и на структурном уровне, находящемся на два уровня выше акустического, так как ys из *ays* (ice), по всей видимости, управляется тем же шаблоном,

⁴ Приведенное здесь является сокращением. Формула в полном виде напечатана и объяснена в моей статье «Лингвистика как строгая наука» [Whorf, 1940].

что и *ls* или *els* (*else*), *ns* из *sins* (*since*), *ts* из *hats* и так далее. То есть является частью общей архитектурной схемы, управляющей двумя согласными.

Теперь, читая кавычки в формуле как «или», мы видим, что формула эквивалентна обширной серии подформул. Одной из простейших является $O + V + C - h$ (обратите внимание, как она входит в исходную формулу), означающая, что слово может начинаться не с согласной, но с любой гласной, за которой следует любая согласная, за исключением *h*, и дающая нам слова ‘*at, or, if*’. **Заменяя первый термин** на следующий за ним символ в исходной формуле, получаем $C - ng + V + C - h$, означающую, что слово, оканчиваясь, как и прежде, может начинаться с любой одиночной согласной английского языка, за исключением звука *ng*, как в ‘*sing*’ (этот звук должен записываться *одним* символом, но я использую стандартную лигатуру из уважения к наборщику). Данный шаблон дает нам обширную совокупность слов наподобие ‘*hat, bed, dog, man*’ и позволяет образовывать новые, такие как ‘*tig, nem, zib*’ но, надо отметить, не *ngib* или *zih*.

Пока что мы рассматривали простые шаблоны. Но с этого момента они становятся сложными! В этом сокращенном виде формула требует дополнения в виде серий упорядоченных согласных, чего-то наподобие списков, каждый из которых будет представлен в виде одним из символов C_1, C_2 и так далее. Формула $C_1 C_2$ означает, что слово может начинаться с любой согласной из списка C_1 и продолжиться любой из списка C_2 , который содержит только *r* и *l*. Например, так как C_1 содержит только *p, b, f*, то мы можем образовывать слова наподобие ‘*pray, play, brew, blew, free, flee*’ и бессмысленные ‘*frig, blush*’ и так далее. Предположим, нам нужно слово, начинающееся с *sr, zr, tl* или *df*. Мы обращаемся к списку C_1 но, к нашему удивлению, в нем нет *s, z, t* или *d*. **Кажется, мы зашли в тупик! Пробуем другие списки, но результат тот же.** Согласно формуле, для получения такого рода исходных комбинаций не существует способа объединения наших списков. Очевидно, нет никаких слов английского языка, подобных этим. Более того, любой подражатель Льюиса Кэрролла или Эдварда Лирса почему-то откажется от их использования. Это показывает, что создание новых слов не является делом буйной фантазии, даже в самых диких и бессмысленных версиях, но использованием уже имеющихся материалов по жесткой схеме. Если мы попросим носителя языка изобрести формы, которые уже не заложены в его языке, он отреагирует так же, как если бы мы попросили его сделать яичницу-глазунью без яиц!

Таким образом, формула описывает любую комбинацию, которую могут образовывать односложные слова и словоформы, отбрасывая все, что они породить не могут. В ней содержится *mpst* из ‘*glimpsed*’, *ksths* из ‘*sixths*’, *ftht* из ‘*he fifted it*’, *nehst* из странного, но возможного ‘*thou munchst it greedily*’ и множество прочих «гру-

бых звуков, смягчившихся для нас», но которые бы «заставили бы и Квинтилиана перевести дух⁵». В то же самое время формула исключает многочисленные благозвучные, но в силу невключенности в шаблон, трудные для нас комбинации, наподобие *litk, fpat, nweing, dzogb* и множество других, все из которых возможны и беспроблемны для некоторых языков, но не для английского.

Станет очевидным, что в наши односложные слова встроена невообразимо тонкая организация, и что старая шутка насчет выражения своих мыслей односложными словами как метафора умственной простоты с этой точки зрения представляет собой сущую чепуху! В то же время, для такого взгляда это старое клише, само того не подозревая, несет зерно истины, согласно которой те, кто легко и бегло использует сложные системы языка, в принципе не подозревают о существовании подобных систем до тех пор, пока они не будут, минуя различные препятствия, представлены на всеобщее обозрение.

В данном случае весьма уместна поговорка «что сверху, то и снизу». Снизу, на фонологическом уровне языка, значимое поведение управляется шаблоном, находящимся вовне фокуса индивидуального сознания. Это же происходит и на высших уровнях языка, которые мы называем выражением мысли. Как мы увидим во второй части, мышление также следует по той или иной колее, проложенной в отдельном языке, организуясь так, что оно может сосредотачиваться на отдельных аспектах реальности и разума, систематически исключая иные, включенные в другие языки. Индивид не имеет ни малейшего понятия об этой организации и полностью скован ее неразрушимыми цепями.

II

В первой части мы видели, как значимое поведение (или, что то же самое, и поведение, и значимость, связанные между собой) в лингвистических и ментальных явлениях управляется особой системой или организацией, «геометрией» принципов формирования, особых для каждого языка. Эта организация существует извне узкого круга индивидуального сознания, делая его марионеткой, лингвистические действия которой управляются неощутимыми и неразрушимыми нитями шаблона. Выглядит это так, как будто индивидуальный ум, выбирающий слова, но не подозревающий об общем шаблоне, находится на поводу у более высокого, более интеллектуального ума, который слабо представляет себе дома, кровати или кастрюли с супом, но может систематизировать и математизировать в степени и объеме, которых даже отдаленно не добился ни один ученый-математик.

⁵ Цитата из переписки Джона Мильтона (1608–1674) – примеч. пер.

Все человеческие существа в данном отношении одинаковы и являются братьями друг другу. Насколько мы можем судить из системы языка, высший ум или «бессознательное» охотника за головами из Папуа и Эйнштейна обладает равными способностями к математике. И наоборот, ученый и деревенщина, исследователь и дикарь – все используют свое индивидуальное сознание с одинаковой степенью глупости и попадают в схожие виды логических затруднений. Точно так же, как пастух ничего не знает о космических лучах, они не знают ничего об управляющих ими прекрасных и неумолимых системах. Их понимание процессов, из которых состоят их речь и мышление, является весьма поверхностным, прагматичным, наподобие того, как маленькая Сью Смит понимала радио – оно нужно для сказки на ночь. Часто даже пытаются выставить это невежество в качестве добродетели и заклеить попытки лучше понять работу человеческого ума как «непрактичные» или «теории», если обвиняющий деревенщина, либо как «метафизику», «мистику» или «эпистемологию», если он носит соответствующую традиции мантию ученого. В частности, в западной культуре исследователям языка наиболее сложно добиться малейшего признания, в то время как естественная человеческая склонность обнаруживает язык, таинственный предмет сам по себе, удивительным. О нем обожают рассуждать и спекулировать ненаучно, бесконечно обсуждая значения слов, странность речи бостонца, как она кажется индейцу Ошкош или наоборот.

Высший разум кажется способным к любым чисто интеллектуальным действиям, но не к тому, чтобы «осознавать» на индивидуальном уровне. То есть он не фокусируется на практических проблемах и индивидуальном эго в его частном, непосредственном окружении. Определенные сны и исключительные ментальные состояния могут вести нас к предположению, что он осознает на своем уровне, а иногда это сознание может «прорваться» к персональности, но, если не использовать техник наподобие йоги, он никак не связан с индивидуальным сознанием. Мы можем называть его высшим эго, с учетом одной отличительной особенности, проявляющейся в каждом языке и его удивительным сходством с индивидуальной самостью, а именно, оно организует свои системы вокруг ядра из трех или более местоименных «персональных» категорий, сосредоточенных вокруг той, что мы называем первым лицом единственного числа. Оно может работать в любой лингвистической системе, ребенок может одинаково хорошо усвоить любой язык, от китайского, с его отдельной тональной окраской и ударениями в односложных словах, до Ноотка ост-

рова Ванкувер, с его однословными предложениями, наподобие *mamamamahln'igk'okmaqama* – «каждый из них сделал так, потому что они напоминали белых людей»⁶.

В силу систематизирующей, конфигурирующей природы высшего разума, аспект «шаблонизации» в языке всегда превосходит и управляет «лексацией» (*Nāma*) или **именующим аспектом**. Как следствие, значения отдельных слов менее важны, чем мы обычно считаем. Не слова, но предложения являются сущностью речи, точно так же, как и уравнения и функции, но не просто числа, лежат в основе математики. Мы ошибаемся, веря в то, что любое слово обладает «точным значением». Высший разум оперирует с символами, не обладающими фиксированной референцией, эти символы подобны пустым банковским чекам, заполняемым по мере необходимости, под них можно подставить любое значение переменной, точно так же, как *S* и *V* из формулы, указанной в части *I* или *x*, *y*, *z* алгебры. Западное представление о том, что древние, изобретая алгебру, совершили великое открытие, представляется весьма странным, учитывая то, что человеческое бессознательное делало то же самое тысячелетиями! То же самое можно сказать о древних майя или древних индусах и их поразительных наслаивающихся друг на друга циклах астрономических чисел – они были просто людьми. Однако мы не должны совершать ошибки, думая, что слова, даже как они используются индивидуальным умом нижнего уровня, представляют собой противоположность этим переменным символам, что слово действительно обладает точным значением, представляет одну вещь, или является лишь *одним* значением переменной.

Даже низшему уму свойственно частичное понимание алгебраической природы языка; такой, что слова находятся между переменными символами чистого шаблонирования (*Arūpa*) и **истинных фиксированных количеств**. Часть значения, находящаяся в словах, и которую мы можем называть «референцией» зафиксирована только относительно. Ею управляют предложения и грамматические формы, в которые она входит. Удивительно, до какого минимума можно довести этот элемент референции. Предложение «я прошел всю дорогу туда только, чтобы увидеть Джека» содержит только одну фиксированную референцию, а именно «Джек». Остальное является шаблоном, ни к чему специально не относящимся; очевидно, что даже «увидеть» не означает предположения о визуальном изображении.

⁶ Это словопредложение содержит только одну *Nāma* или лексацию, *mamahl* или «человек белой расы». Остальное является грамматическим шаблоном, который может относиться к чему угодно. Корень Ноотка или *Nāma* для «куклы», подвергнутый тем же самым операциям, будет значить «каждый из них сделал это в силу своей кукольности».

В референции слов мы оперируем с размером, разбивая его на классы: малый, средний, большой, огромный и так далее. Но, объективно, размер не разделяется на классы, это чистый континуум относительности. В то же время мы думаем о размере как о множестве из классов, так как язык расчленил и поименовал опыт именно таким образом. Слова, относящиеся к числам, могут относиться не к числу, как в счете, но к пересчету классов с растяжимыми границами. Таким образом, **'few' (немного) английского языка изменяет свой объем в зависимости от размера, важности или редкости референции.** «Немного» королей, линкоров или бриллиантов может быть тремя или четырьмя, «немного» горошин, капель или чайных листьев может быть тридцатью или сорока.

Здесь можно возразить: «Да, это верно относительно таких слов, как большой, маленький и им подобных; они очевидно являются относительными выражениями, но такие слова, как собака, дерево, дом, – это другое дело, они обозначают определенный предмет». Это не так, и указанные слова относятся к тому же типу что и «большой», и «маленький». Слово «Фидо», произнесенное определенным человеком, может относиться к конкретному предмету, но слово «собака» относится к классу с растяжимыми границами. Границы таких классов различны в зависимости от конкретного языка. Можно предположить, что «дерево» означает везде и для всех одно и то же. Это совсем не так. В польском языке слово, которое означает «дерево» также включает в себя значение «древесина». Контекст или модель предложения определяет, к какому объекту слово на польском (или любое слово, в любом языке) относится. На Хопи, языке американских индейцев Аризоны, слово «собака», *pohko*, включает в себя любого питомца или домашнее животное. Таким образом, «домашний орел» на Хопи – это в буквальном смысле «орел-собака», и имея при этом фиксированный контекст, можно обращаться к тому же орлу, как к чьему-то *pohko*.

Если мы посчитаем указанные обстоятельства странностями «примитивного» языка (хотя ни один язык не является «примитивным»), то обратимся еще раз к нашему собственному, английскому. Возьмем слово 'hand' (рука). Оно относится в 'his hand' (его рука) к области человеческого тела, в 'hour hand' (стрелка часов) – к явно отличающемуся объекту, в 'all hands on deck' (свистать всех наверх) – имеет иную референцию, в 'a good hand at gardening' (искусный в садоводстве) – к совсем другому, в 'he held a good hand (at cards)' (ему выпала хорошая карта) – еще к чему-то, в то время как 'he got the upper hand' (он преодолел) относится ни к чему в отдельности, но растворяется в шаблоне ориентации. Или рассмотрим слово 'bar' (прут) во фразах: 'iron bar' (железный прут), 'bar to progress' (препятствие на пути к прогрессу), 'he should be behind bars' (ему место за решеткой), 'studied for the bar' (учился на юриста), 'let down all bars' (с открытым

забралом), ‘bar of music’ (музыкальная фраза), ‘sand bar’ (песчаная отмель), ‘candy bar’ (конфета), ‘mosquito bar’ (противомоскитная сетка), ‘bar sinister’ (бастард), ‘bar none’ (без исключения), ‘ordered drinks at the bar’ (заказал в баре напитки)!

Все же можно заметить, что это все обыденные идиомы, не относящиеся к научному и логическому употреблению языка. Неужели? «Электрический» считается словом науки. Знаете ли вы его референт? Знаете ли вы, что «электрический» в «электрическом аппарате» не тот же, что в «специалист по электричеству»? В первом случае оно относится к электрическому току в аппарате, но во втором – отнюдь не к току в специалисте. Когда слово наподобие «группы» может относиться либо к последовательности фраз во времени, либо к куче статей на полу, его референциальный элемент незначителен. Референты научных слов часто достаточно расплывчаты, в частности, когда они управляются шаблонами, в которые входят. Стоит предположить, что это свойство, имеющее самое отдаленное отношение к мещанству, наиболее ярко выражено в интеллектуальной речи, и – *mirabile dictu* (странно сказать) – в языке поэзии и любви! Это и должно быть так, в силу того, что наука, поэзия и любовь сходны в своей «оторванности» от рабского мира буквального значения и банальных прозаических деталей, своими попытками расширить жалкую узость индивидуальной точки зрения, своим вознесением к *Arūpa*, к миру бесконечной гармонии, симпатии и порядка, неизменных истин и вечных вещей. В то время как все слова достаточно жалки в своей «убийственной буквальности», очевидно что научные термины, наподобие «сила, средний, пол, аллергический, биологический» жалки не менее и по-своему не более определенны, чем «милый, роскошный, восторг, очарование, привязанность, мечтательность». Вы возможно слышали о ‘star dust’ (звездная пыль) – но что это? Множество ли это звезд, пудра с блестками, почва планеты Марс, Млечный путь, состояние мечтательности, поэтическое преувеличение, горячий порошок, спиральная туманность, пригород Питтсбурга или популярная песня? Вы не можете сказать, и никто не сможет. Слово, являясь единственной лексацией, не двумя, не обладает своей собственной референцией. Некоторые слова именно таковы⁷. Как мы уже видели, референция является меньшей, чем шаблон, частью значения. Наука, как поиск истины, есть разновидность божественного помешательства, как любовь. А музыка, разве она не из той же области? Да, музыка есть квазиязык, основанный целиком на шаблонах и без разработанного словаря.

Иногда власть шаблона над референцией ведет у удивительным вещам, например когда шаблон придает значения, не имевшиеся в изначальной референции лексации. Низший разум находится в заме-

⁷ Сравните ‘kith’ и ‘throe’, не обладающие значением, но приводящие в замешательство без шаблонов ‘kith and kin’ и ‘in throes of’ (родня, посреди).

шательстве, не может схватить те формулы, что управляют им, и в отчаянии придается своим излюбленным очевидным типам объяснения, даже «как видится» и «как слышится». Слово ‘asparagus’ (спаржа), под действием чисто фонетических шаблонов английского языка, показанных в формуле из первой части, преобразуется в ‘sparagras’, а так как ‘sparger’ есть диалектная форма ‘sparrow’ (воробей), то мы обнаруживаем ‘sparrow grass’ (спаржа), а затем и теории отношения воробьев к этой «траве». ‘Cole slaw’ (винегрет с капустой) пришло от немецкого *Kohlsalat*, «капустный салат», однако давление шаблона, преобразующее его в ‘cold slaw’ (холодный салат) в некоторых регионах породило новую лексацию ‘slaw’ и новое блюдо ‘hot slaw’ (горячий салат)! Конечно, дети постоянно меняют шаблоны, но давление примеров со стороны взрослых в итоге приводит их язык к норме: они узнают, что Миссисипи не есть Миссис Сиппи, а экватор – не menageric lion (бродячий лев), а imaginary line (воображаемая линия). Иногда сообщество взрослых не обладает нужным для коррекции знанием. В некоторых частях Новой Англии, персидские кошки называются ‘coon cats’, это ведет к мнению, что они являются гибридом между кошками и енотами (raccoon). **Люди, не обладающие познаниями** в биологии, зачастую твердо в этом убеждены, так как давление лингвистического шаблона (имя животного 1 изменяет имя животного 2) позволяет им «видеть» (или, как говорят психологи «проецировать») объективные качества енота на тело кота – они указывают на пушистый хвост, длинную шерсть и так далее. Я знаю один случай, когда женщина, владелица прекрасного ‘Coon cat’, спорила со своим приятелем: «Да ты просто *посмотри* на него, его хвост, глаза – разве ты не видишь?». «Не говори глупостей! – отвечал ее более утонченный приятель. – Подумай о биологии! Еноты не могут скрещиваться с котами, они принадлежат разным семействам». Однако женщина была настолько убеждена в своей правоте, что позвала для подтверждения своих слов известного зоолога. Как говорят, он заметил с поразительной дипломатичностью: «Если вам так нравится думать, то думайте». «Он был еще более жесток, чем ты!», – отрезала она своему приятелю, оставшись при своем убеждении, что ее питомец есть результат скрещивания между развратным енотом и капризной кошкой! В более широкой перспективе, именно так плетется покрывало Майи, иллюзия, рожденная окостенелой индивидуальностью. Мне говорили, что ‘Coon cats’ называются так по имени некоего капитана Куна, привезшего первую из этих персидских кошек в штат Мэн.

В более сложных случаях все мы, не замечая того, проецируем языковые отношения на вселенную, и *видим* их в ней так же, как эта милая женщина *видела* языковое отношение (Coon = raccoon), проявившееся в ее коте. Мы говорим «видишь ту волну», в рамках того же шаблона, как и «видишь тот дом». Но без проекции со стороны

языка никто и никогда не видел отдельную волну. Мы видим лишь поверхность в постоянно меняющемся волнообразном движении. В некоторых языках нельзя сказать «волна», и в этом отношении они ближе к реальности. Хопи говорят *walalata*, «происходит множественное волнение» и могут точно так же, как и мы, указать на одно из мест в нем. Однако, так как волна не может существовать сама по себе, то форма, соотносящаяся с нашим единственным числом, *wala*, не является эквивалентом английского ‘wave’ (волна), но означает «случился всплеск», как когда встряхивают сосуд с жидкостью.

Шаблон английского языка управляет ‘I hold it’ (я держу это) точно так же, как ‘I tear it’ (я разрываю это) и множеством других предложений, относящихся к действиям, приводящим к изменениям в материальном мире. Однако фактически «держать» есть не действие, но состояние относительного расположения. В то же время мы думаем о нем, даже видим, как действие, так как язык управляет данным предложением так же, как он управляет намного более распространенным типом предложений, имеющих дело с движением и изменениями. Мы *приписываем* действие тому, что называем «держать» в силу формулы «существительное + глагол = актер и его действие», являющейся фундаментальной для наших предложений. Таким образом, во многих случаях мы склонны «вчитывать» в природу фиктивные действующие сущности просто в силу того, что наши шаблоны предложений требуют в тех случаях, когда речь не идет в повелительном наклонении, чтобы перед глаголами стояли существительные. Мы обязаны говорить ‘it flashed’ (вспыхнуло) или ‘a light flashed’ (вспыхнул свет), указывая на актора ‘it’ или ‘a light’, **производящего то, что мы называем действием**, ‘flash’ (вспышка). Однако вспышка и свет есть одно и то же, здесь нет ничего, что бы производило действие, и нет самого действия. Хопи говорят *rehpi*. В их языке глаголы могут обходиться без существительных и это придает их языку как логической системе силу для понимания определенных аспектов космоса. Научный язык основан не на языке Хопи, а на западном индоевропейском языке и, также как и мы, иногда видит действия и силы там, где могут быть лишь состояния. Не можем ли мы представить себе то, что ученые, так же как и дамы с кошками, не замечая того, проецируют лингвистические шаблоны определенного типа языка на вселенную, *видя* их там, их проявление на самом теле природы? Изменение языка может преобразовать наше понимание Космоса.

Все сказанное типично для индивидуального сознания низшего уровня, пойманного в ловушку огромного мира, непроницаемого для его методов и использующего свой странный дар языка для плетения покрывала Майи или иллюзии, для создания промежуточной картины реальности и принятия ее за окончательную. Западная культура здесь пошла дальше всех, и в упорной подробности такого промежуточного

анализа и в принятии его за окончательный. Преданность иллюзии была закреплена в западном индоевропейском языке, а путь наружу лежит через более широкое понимание, то, что может предоставить лишь он сам. Это есть «мантра-йога» западного сознания, следующий большой шаг, к которому мы сейчас готовы. Возможно, такая «культура сознания» есть самый подходящий способ достичь великого просветления для западного человека.

Через такое понимание языка достигается новая стадия в братстве всех людей. Научное понимание весьма различных языков, не говорение на них, но анализ их структуры, есть урок братства как универсального человеческого принципа – братства «детей Manas». Оно ведет нас к преодолению границ локальных культур, национальностей, физических особенностей, называемых «расой», к тому, что в своих языковых системах, пусть настолько различных, но в их упорядоченности, гармонии и красоте, в их соответствующих тонкостях и глубоком анализе реальности, все люди равны. Этот факт не зависит от состояния эволюции по отношению к материальной культуре, варварству, цивилизации, моральному или этическому развитию и так далее. Последнее есть наиболее удивительное и шокирующее для заданоевропейца открытие, на самом деле, даже горькая пилюля! Однако это правда, самый грубый дикарь может с легкостью бессознательно оперировать с языковой системой настолько тонкой, многообразно систематизированной и интеллектуально сложной, что для описания ее работы требуется исследование длиной во всю жизнь со стороны наших лучших умов. Монастический уровень и «высшее эго» было дано всем, а эволюция человеческого языка была закончена и распространялась в этой гордой законченности по всей планете задолго до того, как были созданы древнейшие из руин на земле.

Лингвистическое познание ведет к пониманию множества различных и прекрасных систем логического анализа. Благодаря ему точки зрения на мир различных социальных групп, что мы ранее считали чуждыми, становятся вполне понятными. Чуждость становится новым и часто просветляющим взглядом на вещи. Возьмем, например, японцев. Взгляд на них извне, через призму политики их правительства, будет насколько угодно далеким от братской любви. Однако подход к японцам через эстетическую и научную ценность их языка изменяет образ. Именно это значит признать родство на космополитических уровнях духа. Одним из интересных шаблонов их языка является то, что предложение может иметь два по-разному ранжированных подлежащих. Нам знакома идея двух уровней дополнений для глаголов, непосредственной и более отдаленной цели, или прямого и непрямого дополнения, как их обычно называют. Но, вероятно, нам не приходила в голову идея о возможностях применения подобной идеи к подлежащим. Именно она работает в японском языке. Два под-

лежащих – назовем их подлежащим 1 и подлежащим 2 – отмечаются частицами *wa* и *ga*, а диаграмма может показать их вместе с линией к каждому слову-подлежащему, причем две линии сойдутся к тому же утверждению, тогда как предложение английского языка может иметь только один субъект с одной линией к предикату. Примером может послужить то, как можно сказать, что «Япония гориста»: «Япония₁, гора₂ (есть) много»⁸ или «Япония, по отношению к своим горам есть много». «Джон длинноног» будет «Джон₁ нога₂ (есть) длинна». Этот шаблон позволяет сочетать максимальную краткость с максимальной точностью. Вместо расплывчатости нашего «гориста» японец может, с равной компактностью в формулировке, различить «гориста» в смысле, что есть много невысоких гор, от «гориста» в смысле, что горы, немногочисленные по отношению к всей местности – высоки. Мы видим, как логическое использование этого шаблона наделяет японца большими возможностями для точных научных операций с идеями, если эти возможности развивать в правильном направлении.

В людях и культурах, самых невзрачных на внешний взгляд, в тот же момент, когда начинается научное, непредубежденное исследование языка, обнаруживаются неизвестные для западных индоевропейских наречий и ментальностей, изящные, действенные и научные способы выражения. Алгонкинские языки используются очень простыми людьми, индейскими охотниками и рыбаками, но возможности анализа и синтеза в них поразительны. Одним из примеров их особого грамматического изящества является обвиатив. Это значит, что их местоимения имеют четыре лица вместо трех или, с нашей точки зрения, два третьих лица. Данное обстоятельство помогает в сжатом описании сложных ситуаций, в то время как мы вынуждены прибегать к тяжеловесной фразеологии. Обозначим их третье и четвертое лицо числами 3 и 4. Алгонкины могут рассказывать историю Вильяма Телля так: «Вильям Телль призвал своего₃ сына и приказал принести ему₃ его₃ лук и стрелы, которые₄ он₄ ему и принес₃. Он₃ сказал ему₄ замереть на месте и водрузил яблоко на его₄ голове, взяв свои₃ лук и стрелы, сказал ему₄ не бояться. Затем он₃ пронзил стрелой его₄ на его₄ голове, не повредив сыну». Такого рода средства здорово помогли бы в разборе наших сложных юридических затруднений, избавив нас от «части первой части» и «вышеупомянутый истец, должен, со своей стороны» и так далее.

На языке чичева, родственному зулусскому, говорят не обладающие письменностью негры Восточной Африки. В нем есть два прошедших времени, одно для прошедших событий с нынешним результатом или влиянием на настоящее, другое – без такого влияния. Прошрое, зафиксированное во внешних ситуациях, отличается

⁸ «Есть» заключено в кавычки, так как «быть многими» выражается единственным словом глагольного типа. В японском языке множественное число не используется.

от прошлого, зафиксированного лишь в психике или памяти. Здесь нам открывается новый взгляд на *время*. Пусть 1 обозначает первое, а 2 – второе; рассмотрим следующие нюансы языка чичева: я пришел₁ сюда; я пошел₂ туда; он был₂ болен; он умер₁; Христос умер₂ на кресте; Бог создал₁ мир. «Я поел₁» означает, что я не голоден, «я поел₂» означает обратное. Если вам предложили еды, а вы сказали «нет, я поел₁» это будет в порядке вещей, однако если бы вы использовали другое прошедшее время, вы бы произнесли оскорбление. Теософ, говорящий на чичева, мог бы использовать время 1, говоря о прошлой инволюции монад, приведшей мир в нынешнее состояние, в то время как он мог бы использовать время 2 для, скажем, планетных систем в далеком прошлом, не существующих сегодня, и чья эволюция закончилась. Если бы он говорил о реинкарнации, он бы использовал 2-е для событий прошлой инкарнации просто для того, чтобы остаться в их сетке референции, но он бы использовал 1-е для указания на или подразумевания их «кармы». Может быть, эти примитивные народности владеют таким языком, который, если они стали бы философами или математиками, сделали бы их нашими самыми выдающимися мыслителями в области *времени*.

Возьмем для примера язык Кер д'Ален, на котором говорят члены маленького индейского племени в Айдахо. Вместо нашего, простого понятия «причинности», основанного на «заставило это (его) сделать так-то», грамматика Кер д'Ален требует от говорящего различать (что они, конечно, делают автоматически) среди трех каузальных процессов, обозначаемых тремя причинными глагольными формами: (1) рост или питание внутренней причины; (2) добавление или прирост извне; (3) вторичное добавление, например, чего-то, подверженного процессу 2. Таким образом, для того, чтобы сказать «это сделали сладким» они используют форму 1 для сливы, подслащенной при помощи очистки от кожуры, форму 2 для чашки кофе, подслащенного сахаром, форму 3 – для пирожных, подслащенных сиропом из растворенного сахара. Если, при наличии более тонкой культуры, их мыслители превратят эти, в настоящее время бессознательные, различия в теорию троичной каузальности, подходящую для научных наблюдений, они могли бы таким образом создать ценный инструмент для науки. Возможно, *мы* могли бы искусственно сымитировать такого рода теорию, но не смогли бы ее применить, так как *мы* не привыкли с легкостью проводить такого рода различия в повседневной жизни. Понятия имеют своей основой обыденную речь и только потом ученые пытаются использовать их в лаборатории. Даже относительность обладает такой основой в западных индоевропейских языках (как и в других), об этом говорят факты использования в этих языках множества пространственных слов и шаблонов для работы со временем.

С точки современного лингвистического подхода язык заметно влияет и на другие психологические факторы, но особое значение он имеет для музыки, поэзии, литературного стиля и восточных мантр. То, о чем я до сих пор говорил, касается уровня *Manas* в более философском смысле, «высшего бессознательного» или «души» (как это понятие использует Юнг). О чем я буду говорить, так это о «психике» (как это понятие использует Фрейд), «нижнем» бессознательном, том *Manas*, что зовется «убийцей реального», уровнем *Kama*, эмоций или чистых чувствований (*Gefühl*). В серийном отношении, содержащем в себе уровни *Nāma-Rūpa* или *Agūra*, этот уровень бессознательной психики находится на другой стороне от *Nāma-Rūpa*, а *Nāma* или лексация колеблется между этими двумя крайностями. Следовательно, психика является психологическим коррелятом фонемического уровня в языке, связанная с ним не структурно, как *Nāma* или лексация, и не используя ее как строительные материалы, наподобие того, как при создании слов оперируют с фонемами (гласными, согласными и ударениями), но как содержание на уровне чувствования фонем. Существует всеобщий, *Gefühl*-тип связи переживаний, фиксируемый в лаборатории и кажущийся независимым от языка – в своей основе схожий для всех людей.

Нужно отметить, что без серийного или иерархического порядка во вселенной эти психологические и лингвистические эксперименты противоречили бы друг другу. В психологических экспериментах испытуемые ассоциируют переживания светлого, холодного, острого, твердого, высокого, легкого (по весу), быстрого, высокой частоты звука, узкого и так далее в длинных сериях с друг другом; и обратно тому – переживания темного, теплого, поддающегося, мягкого, тупого, низкого, тяжелого, медленного, низкой частоты, широкого и так далее – в других сериях. Это происходит вне зависимости от того, напоминают ли их слова, ассоциированные с такими переживаниями. Обычный человек с большой вероятностью заметит отношение к словам только тогда, когда это отношение есть отношение сходства с сериями гласных или согласных в словах, но если это отношение по контрасту или конфликтующее, то оно останется незамеченным. Чувствительность к отношению сходства есть часть чувствительности к литературному стилю или тому, что иногда небрежно называют «музыкой» слов. Чувствительность к конфликтному отношению намного более трудна, но освобождает от иллюзий. Несмотря на то, что она достаточно «непоэтична», в действительности она ведет к Высшему *Manas*, к симметрии высшей, чем физический звук.

Для нашего тезиса важно то, что язык, при помощи лексации, сделал говорящих на нем более чувствительными к определенным трудноуловимым психическим ощущениям, он позволил осознать более низкие уровни, чем его собственный: такова сила природы ма-

гии. Язык поистине с йогическим мастерством позволяет оставаться независимым от фактов низшей психики, преодолевать их, указывать на них или их отбрасывать, преобразовывать оттенки слов согласно своим правилам, независимо от того, кажется ли психике звуки подходящими. Если звуки соответствуют, их психическая сила возрастает, и это может быть замечено самым неискушенным наблюдателем. Если звуки не подходят, психические качества изменяются вместе с языковым значением, вне зависимости от несоответствия со звуками и это остается незамеченным.

Таким образом, гласные *a* (как в ‘father’, отец), *o*, *u* ассоциируются в лабораторных экспериментах с темными-теплыми-мягкими сериями, а *e* (*a* английского языка в ‘date’, дата), *i* (английское *e* в ‘be’, быть) с множеством светлого-холодного-острого. Как того следует ожидать от обычного, наивного чувства языка, согласные ассоциируются сходным образом. Происходит следующее: когда слово обладает акустическим сходством со своим собственным значением, мы можем это отметить, как в английском ‘soft’ (мягкое) или немецком *sanft*. Однако обратное остается незамеченным. Таким образом, немецкое *zart* (*tzart*) (нежное) обладает таким «резким» звуком, несмотря на его *a*, что для незнакомого с немецким языком вызывает яркие и резкие значения, но для немца оно «звучит» *мягко*, а также, возможно, тепло, темно и так далее. Другой хороший пример – это *deep* (глубоко). Его звуковая ассоциация должна напоминать *peep* (писк) или такие бессмысленные слова, как *veep*, *treep*, *queep*, то есть как яркое, острое, быстрое. Но его языковое значение в английском языке отсылает к иной разновидности переживаний для такой ассоциации. Это обстоятельство полностью перекрывает его объективное звучание, заставляя его субъективно «звучать» как темное, теплое, тяжелое, мягкое, как будто звуки действительно были такими. Для обнаружения этого разрыва между двумя «музыками», одной более ментальной, а другой – психической, требуется освобождающий от иллюзий, пусть и непозитивный, лингвистический анализ. Манас предоставляет возможность не обращать внимания на свойства на психическом уровне точно так же, как не является важным, стоят ли за переменной *x* автомобиля или овцы. Он может проецировать части своих шаблонов на опыт таким образом, что они искажают, вызывают иллюзии, или проясняют и создают научные теории и инструменты для исследования.

Патанджали описывал йогу как полную остановку изменений в психике⁹. Мы видели, что эта активность состоит по большей части из персонально-социальных реакций по неосязаемым путям, проложенным из уровня **Агīра**, **функционирующим над или за фокусом индивидуального сознания**. Причина, почему этот уровень находится за пределами понимания сознания, заключается не в его фундаменталь-

⁹ В пересказе сутр Йоги Брэгдона: [Bragdon, 1933].

ном различии (как если бы он бы, скажем, пассивной сетью), но потому что личность концентрируется, благодаря эволюции и привычке, на уже упомянутой изменчивой активности. Согласно самым разнообразным, и восточным, и западным источникам, остановка этой активности и переход к покою, что требует длительной тренировки, несмотря на ее трудность, является потрясающим расширением, просветлением и очищением сознания, благодаря которому разум работает с невиданной скоростью и четкостью. Научное изучение языков и лингвистических принципов является по крайней мере частичной попыткой, приподнимающей разум до этого уровня. Понимание больших лингвистических шаблонов включает в себя такую частичную смену точки зрения, уводящую от изменчивости психической активности. Такого рода понимание имеет и терапевтическую ценность. Многие из неврозов являются просто навязчивым повторением систем слов, от которого пациента можно освободить, показав ему сам процесс и его шаблон.

Все сказанное ведет к идее, затронутой в первой части моего эссе, согласно которой типы шаблонной связи, обнаруживаемые в языке, могут быть не более чем колеблющимися и искаженными, бледными и лишенными содержания отражениями *каузального мира*. Как язык состоит из дискретных лексаций-сегментаций (Numa-Rūpa) на фоне упорядоченного шаблонирования, менее очевидного, но более жесткого и универсального, так и физический мир может быть собранием квазидискретных сущностей (атомов, кристаллов, живых организмов, планет, звезд и так далее), не вполне прозрачных для понимания как таковых, но возникающих из поля причин, что само является множеством шаблонов и упорядочиваний. Сегодня наука находится на самой грани этой стены, за которой она встретит эти *свойства поля*. По мере того, как физика исследует внутриатомные явления дискретные физические формы и силы все более и более растворяются в отношениях чистого шаблонирования. *Место* кажущейся сущности, например электрона, становится неопределенным, прерывистым. Сущность появляется и исчезает, переходя от одной структурной позиции к другой, точно так же, как фонема или любой другой упорядоченный лингвистический объект, о котором можно сказать, что он *нигде* не находится в процессе этого перехода. Его место, о котором ранее думали и анализировали как о континуальной переменной, становится при более пристальном исследовании просто чередованием, определенные ситуации «актуализируют» его, а управляет им структура, располагающаяся за чувствительностью измерительных приборов. Здесь нет трехмерной формы, вместо нее – «Agūra».

Так как наука еще не освободила себя от иллюзорных необходимостей обычной логики, то она не осознает трансцендентальной логики такого положения дел. Эти необходимости являются в своей

основе грамматическими особенностями западной арийской грамматики, необходимости для субстанций, являющиеся необходимостью расположения субстантивов или имен существительных в определенных местах предложения, необходимостью для сил, притяжения и других, являющихся просто необходимостью расположения глаголов в других местах и так далее. Наука, если она переживет надвигающуюся тьму, отбросит эти кажущиеся необходимости языка и будет рассматривать сами лингвистические принципы, слишком долго считавшиеся субстанцией самого Разума.

Перевод с английского *А.А. Веретенникова*

Список литературы

- Bragdon, 1933 – *Bragdon C. An Introduction to Yoga*. N. Y.: Knopf, 1933. 101 p.
Whorf, 1940 – *Whorf B. Linguistics as an exact science // Technology Review* (MIT). 1940. Vol. 43. P. 61–63, 80–83.
Whorf, 1942 – *Whorf B. Language, Mind and reality // The Theosophist*. 1942. Vol. 63. No. 1. P. 281–291.

References

- Bragdon C. *An Introduction to Yoga*. New York: Knopf, 1933. 101 p.
Whorf B. Language, Mind and reality, *The Theosophist*, 1942, vol. 63, no. 1, pp. 281–291.
Whorf B. Linguistics as an exact science, *Technology Review* (MIT), 1940, vol. 43, pp. 61–63, 80–83.